

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА: НА ГАЛИНУ ВИШНЕВСКУЮ Я ЗЛА НЕ ДЕРЖУ

Веч. клуб. — 1998. — 2 апр. — с. 7.

*Выглядит прима роскошно. Ослепитель-
но-белозубая улыбка, фонтанирующая
речь, манеры шальной городской девчонки
— без жеманства и позы. Во всем облике
— движение и страсть.*

ФОТО ЕВГЕНИЯ БУРМISTРОВА

— Помню, как много лет назад в красном богатом платье вы позировали Илье Глазунову. Нельзя ли взглянуть на тот портрет? И кому за эти годы пришлось еще позировать? — Вы знаете, никому. Разве что Шилову. Мне просто некогда. Надо петь. Постоянно, без передышки. А с Глазуновым... Портрет остался у него. Жалею сейчас, что не взяла: картина большая, краски — яркие, густые.

Хорошая работа, хотела бы иметь ее дома, а тогда, по молодости, по дружости, не понимала. С Илюшей мы в то время дружили... — Что же это за жизнь, Елена Васильевна? Картины знаменитых художников не успеваеете отвезти домой, в Большом театре вас не видно-не слышно, да и вообще застать в Москве не легко. Непрерываемое вселенское турне?

— Да, я сейчас снова в моде. Как в молодые годы. Приглашают, рвут на части, и ни от чего не хочется отказываться. Ведь при советской власти больше трех месяцев в году за границей не разрешали работать.

— Наверняка и гонорары влекут? Ведь вы выступаете на самых престижных площадках.

— Конечно, сегодня есть возможность хорошо заработать. Это Большой театр платит три копейки. Хотя говорю не в укор, ведь Большой для меня что дом родной, я готова там петь по первому зову.

— А что, кстати, случилось? Почему вы редко бываете в этом своем родном доме?

— Любовь-то должна быть взаимной. А пока что зовут не слишком ласково. В этом сезоне спела только "Аиду" и два "Бала-маскарада". А могла бы и больше. Странная незаинтересованность — и не только во мне. Прекрасная певица Маквала Касрашвили тоже мало работает в Большом. Мы свой театр любим, готовы там петь за те же три копейки, но — увы.

— Так в чем все-таки дело? В особой политике художественного руководителя? В волонтеризме Васильева?

— Я не очень вникаю в политику Васильева. Он больше увлечен балетом. А то, что в опере сейчас не делается ничего интересного, это видно. Об этом можно судить даже по газетным рецензиям. В общем, не хочу много говорить о Большом театре — грустная тема.

— Хорошо. Зато, как мне известно, с Мариинкой у вас все в порядке?

— Да, Гергиев меня постоянно зовет в свои гастроли. Недавно пела с ним в Ла Скала, в "Игроке" Прокофьева. Сейчас он задумал поставить на сцене Метрополитен-Опера в Нью-Йорке "Войну и мир". Хочет использовать и мои возможности.

— Елена Васильевна, как я понимаю, вашими партнерами являются первые голоса мира — Паваротти, Монсеррат Кабалье, Доминго, Каррерас...

— Не только партнерами, я с ними дружу, мы общаемся.

— Развейте или подтвердите легенду о бешеных гонорарах Паваротти. Когда погибла принцесса Диана и он, скорбя о близком ему человеке, отказался поначалу от поездки на юбилей Москвы, то в кулуарах трепались, что смерть леди Ди лишила Паваротти полумиллиона долларов за московскую гастроль.

— Смотреть в чужой кошелек негоже, но и секретов я здесь не открою. Паваротти тенор, а тенора имеют особый статус по гонорарной части, им платят больше, чем другим. Теноров мало, а хороших еще меньше. К тому же и на менеджеров, и на публику действует совершенно магический дар обаяния Лучано, он

единственный из теноров может собирать стадионы. В свое время он заставлял вечера в нью-йоркском Централ-парке, на которые собиралось неимоверное количество слушателей. Оттуда и пошли концерты на открытых площадках, ставшие почти эстрадными шоу. Мало того, сейчас Паваротти готовит вместе со... Не падайте со стула, с Майклом Джексонном грандиозное шоу. Вообразите, что будет твориться и какими там пахнет гонорарами. Но, честно говоря, я против таких экспериментов.

— Попсовость, простите, обуяла и нас, грешных. Не боитесь, что ваш слушатель, забыв классику, переметнется к более легкому жанру?

— Ну что вы. Моя публика верна мне. Мы вместе выросли, повзрослели. Поклонницы, бегавшие на мои первые спектакли молодыми девчонками, нынче солидные дамы, но они меня не покидают.

— Елена Васильевна, дела давно минувших дней: с Галиной Вишневской сталкиваетесь? Не думаю, что помирились. Ведь она очень резко говорит о вас в своей книге "Галина" — о вашем якобы "предательстве" после того, как она вас "гыташила за шкуру" и как тонущего щенка на пуховых подушках принесла в театр.

— Вы знаете, злая я на нее не держу. И когда нынче встречаюсь где-то, здороваюсь. Но и только. Особого желания общаться с ней у меня нет. Пассажи в книге я объясняю той давней ситуацией, в которой она оказалась вместе со Славой Ростроповичем — они решили уехать из Советского Союза, оставить коллектив Большого театра. Жизнь тогда была напряженная, процветало доносительство, поджигание. Что же, что было — то было. Вместе с другими я каким-то образом участвовала во всей этой каше. А Галина Павловна озлобилась на многих, не только на меня. Вы же читали книгу и, наверное, помните, как резко она говорит о многих бывших своих партнерах и друзьях. Бог ей судья.

Но хочу сказать, что мне она всегда нравилась. Она хорошая женщина, открытая, прямая, никогда не выставлялась, не хотела казаться лучше, чем была на самом деле. Она и впрямь мне помогла во многом, и я, молоденькая девчушка, еще студентка консерватории, была в нее просто влюблена. А после всего случившегося, всех этих предостережений ее перипетий, после выхода книги я была просто в шоке. Очень переживала. Сейчас все как-то ушло...

— Кстати, вы ведь в свое время тоже книгу написали...

— Да, и она мгновенно разошлась. Надо бы новую написать, но все или времени нет, или вдохновения. Хотя пишу я быстро. С той книгой мне

помогала талантливая журналистка и театровед Рена Шейко, царство ей небесное. Мы с нею год не расставались и сотворили "мемуары". Без нее будет трудно, но все равно решусь.

— Интересно, войдет в эту новую книгу эпизод с роyleм "Стейнвей", который вам подарил министр культуры Демичев?

— Однако же, память у вас... Петр Нилович и впрямь ко мне хорошо относился, ценил мой голос, помогал всячески. Помогала и Екатерина Алексеевна Фурцева, но Демичев особенно. Он даже в нарушение инструкций разрешал иногда побыть за границей чуть больше положенного. Благодаря ему у меня остались записи почти всех моих концертов — он просто давал команду на телевидение или радио, чтобы меня записывали. Ну и с его, конечно, подачи мне подарили "Стейнвей" — роскошный, белого цвета роyle. А потом министра сменили. Пришел некий Захаров, возможно, протеже Раисы Максимовны. Он ничего в искусстве не соображал, зато одной из первых своих указов отнял у меня роyle, подаренный его предшественником. Знаете, как в семнадцатом году: пришли матросы и экспроприировали. Не роyle было жалко, обидно из-за хамского отношения и несправедливости. У меня тогда случился нервный криз, голос изменился, здоровье пошатнулось. Все думала: сколько же я валюты им привезла — "Стейнвей" всю дорогу от моего дома на Патриарших до Кремля можно заставить. Наверное, миллион долларов заработала. И так со мной поступить! Послала Раису Максимовну письмо, но ответа так и не дождалась.

Фурцеву Екатерину Алексеевну тоже вспоминаю с добрыми чувствами. Что бы о ней ни говорили, она была выдающимся человеком и министром. Я восхищалась ею: как она с мужиками расправлялась, с подчиненными, да и с известными деятелями культуры. Расправлялась — я имею в виду в том смысле, как вникала в дела и умела власть употребить. Конечно, было в ней и много детского, смешного. Ведь из простых попала на такую вершину. Но училась, схватывала. Вот этот трогательный наив в поступках, в поведении рядом с решениями государственного общекультурного масштаба меня всегда восхищал. А нынче мы никому не нужны...

— Ну вам-то не стоит обижаться, вы получили все мыслимые звания и награды: народная артистка Советского Союза, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда...

— А пенсия знает, какая за все эти титулы? Меньше пятисот рублей.

— Нет слов... Но отойдем от этой больной темы. Елена Васильевна, что

у вас с Покровским? Тоже трудно-сти?

— Странные с ним отношения. Дво-якие. Когда я была молоденькой певицей, я очень его любила. И сейчас по-своему люблю, он вызывает большую симпатию. Но то, что он делает на сцене, меня во многом не устраивает. Меня всегда удивляло, что он не рвался работать с выдающимися певцами и все почему-то тяготел к средним, а то и к "никаким". Кстати, любимой певицей была у него Галина Павловна Вишневская. Может, он работает под какую-то свою идею — растит молодежь, будущее? Наверное, это тоже необходимо.

— Хочу посплетничать. Как-то в передаче "Царская ложа" у вас прозвучал некий намек на новую лирическую струю в жизни. Или я чего-то не понял? Вы с Жюрайтисом по-прежнему муж и жена?

— Конечно, куда же он денется. Мы с ним уже столько лет! Я в Большом — 35, он — 40, а познакомились, когда я только пришла в театр. Сначала были партнерами, потом симпатизировали друг другу, потом в одночасье, как это бывает в молодости, воспылали любовью. Хотя мы с ним во многом разные. Он, к примеру, любит дачу, а я горожанка, вечно торчу в Москве.

— Вместо дачи вокруг Патриарших прудов гуляете?

— Да что вы! На улицу почти не выхожу — нет времени. Все сама в доме делаю — и faxсы принимаю, и слесарей вызываю, и за собаками ухаживаю. У нас два чудных пуделя. Одного подарили в Нью-Йорке — серенького маленького Антона. А второго я в Новосибирске в цветах нашла. Запела с букетом в руках арию, и вдруг в этом букете что-то как завоет! Я испугалась, чуть цветы не уронила. Оказалось, это мне Дашу подарили.

— Простите, я, конечно, не из дамского журнала, но ваша жизнь на виду, и читательницы "Вечернего клуба" хотели бы узнать, где вы обживаетесь, насколько следите за модой.

— Мода? Надо следить. Но у всяких нынешних гениев я ничего не шью, остаюсь верной немецкой фирме "Эскадо". Их товар рассчитан на крупных женщин. А концертные платья в последние годы мне делает Маша Москвина, бывшая балерина. Она настоящий художник, стиль чувствует. Раньше, когда чаще выступала в Метрополитен-Опера, одевалась в Нью-Йорке у грека Старопулоса, который обихаживал всех знаменитостей. Нельзя было в грязь лицом ударить, и я на все свои суточные шила платья. А ела, как и другие, колбасу из чемодана.

Встречался
Феликс МЕДВЕДЕВ.